

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

А. С. Голикова

Тверской государственной университет, г. Тверь

В данной статье рассматривается ситуация «межъязыковой интертекстуальности», когда в тексте, написанном на ИЯ-1 (тексте А), появляется цитата из текста, в оригинале написанного на ИЯ-2 (тексте Б), причём текст Б на ПЯ либо не переведён, либо переведён так, что искомая цитата не подходит для использования её в переводе текста А на ПЯ. Подобная ситуация рассматривается на примере следующих текстов: «Я подарю тебе газель» Малека Хаддада и «Воспоминания тела» Ахлям Мустаганями. Предлагается несколько вариантов разрешения подобного противоречия.

Ключевые слова: русский язык, арабский язык, французский язык, Малек Хаддад, Ахлям Мустаганями, художественный перевод, интертекстуальность, цитата.

Принцип интертекстуальности уже давно является очень важным для художественной литературы и филологии. Искусство модернизма и постмодернизма сделало его основным, но это совершенно не означает, будто предыдущие эпохи интертекстуальности не знали. Таким образом, переводчику текстов (в первую очередь художественных, но проблема интертекстуальности также может возникнуть при переводе, например, публицистических, научных или рекламных текстов) очень часто приходится вставать перед вопросом, как перевести конкретную цитату в конкретном случае. Даже если один или несколько переводов на ПЯ уже существуют, они могут оказаться недостаточными, так как автор оригинального текста может обыгрывать тот аспект цитаты, который по некоей причине (природа языка, субъективное переводческое решение и т. д.) не отразился в переводе. Данные случаи демонстрируют, насколько по-разному одно и то же высказывание может быть понято и проинтерпретировано, и какие разные смыслы могут в нём увидеть автор оригинального текста, переводчик и автор текста, который ссылается на оригинал.

Конечно, переводчик может перевести цитату сам в соответствии с тем, как она обыгрывается в оригинале, но и это не всегда возможно: если в англоязычном тексте встречается цитата из Шекспира, это можно сделать, хотя бы теоретически. Но как поступить, если в англоязычном тексте вам попала цитата, из (например) Библии, Гомера или Данте, то есть из текстов, оригинал которых не написан ни на английском, ни на русском? Разберём одну похожую ситуацию, в которой сталкиваются между собой три языка – арабский, русский и французский.

В качестве магистерского исследования автор данной статьи решила перевести на русский язык роман алжиро-ливанской писательницы Ахлям Мустаганями (р. 1953 г.) «Воспоминания тела» (1993 г.). Данное решение представляется удачным по ряду причин, не в последнюю очередь потому, что, во-первых, арабоязычная литература Алжира и стран Магриба в целом (как современная, так и более ранняя) остаётся малоисследованной в российской

арабистике [Куделин 2003: 391], и, во-вторых, в Советском Союзе на русский язык переводилось немало прямых литературных предшественников Мустаганами – франкофонных алжирских писателей. Среди них такие имена, как Катеб Ясин [Катеб 1971: 2], Ассия Джебар [Джебар 1990: 2] и Малек Хаддад [Хаддад 1988: 4]. Все эти авторы отличались, помимо прочего, тем, что поддерживали Алжирскую войну за независимость. Скорее всего, поскольку СССР выступал в той войне на стороне Алжира [Wilson Center Digital Archive 2018: URL], после обретения последним независимости алжирских писателей некоторое время активно переводили на русский из соображений пропаганды и укрепления международных связей.

Среди вышеперечисленных писателей, пожалуй, самое большое влияние на Мустаганами оказал Малек Хаддад (1927-1978 гг.): ему посвящён роман «Воспоминания тела» [Mosteghanemi 2000: 5], в котором немало прямых цитат из произведений Хаддада, о чём читателю даже сообщается сноской:

(1) الجمل المكتوبة بخط مميز مأخوذة عن تواطؤ شعري من روايتي مالك حداد "سأهيك غزالة" و"رصيف الأزهار لم يعد يجيب".
[Mosteghanemi 2000: 30]

¹ Предложения, выделенные жирным шрифтом, из чувств поэтического родства взяты из романов Малека Хаддада «Я подарю тебе газель» и «Набережная Цветов не отвечает» (прим. автора) [Здесь и далее перевод с арабского наш – А. Г.]

Кроме того, два цитируемых произведения Хаддада имеют с «Воспоминаниями тела» немало общих тем, мотивов и сюжетных элементов, а главного героя романа «Набережная цветов не отвечает» даже зовут Халедом, как и протагониста Мустаганами (правда, герой Хаддада, в отличие от Халеда Мустаганами, писатель, а не художник).

Два этих романа, как и все свои произведения, Малек Хаддад написал по-французски. Автопереводов на арабский по той или иной причине не существует: оба произведения переводились на арабский другими людьми и издавались в других странах – Тунисе и Египте [Haddad 1968: 1, Haddad 1999: 4]. Судя по всему, цитаты, которые Мустаганами приводит в своём романе, взяты именно из этих чужих переводов на арабский, а не переведены ею самой.

При переводе романа Мустаганами на русский, как правило, автор статьи опирается на существующие русские переводы Хаддада – частично из стремления соблюсти интертекстуальность, частично оттого, что не знает французского. Однако, по крайней мере, в одном случае арабский и русский переводы французского оригинала «накладываются» друг на друга, создавая весьма сложную переводческую проблему. Цель этой статьи – продемонстрировать, насколько по-разному можно проинтерпретировать одну и ту же фразу (а точнее, слово), частично в силу особенностей языка, частично в силу субъективных переводческих/авторских решений.

В начале четвёртой части романа «Воспоминания тела» Халед цитирует начало романа «Я подарю тебе газель»:

كان لرحيلك مذاق الفجيرة الأولى. والوحد التي أحالتني في أيام إلى مرتبة لوحة يتيمة على جدار.
تحضرني جملة تبدأ بها رواية أحببتها يوماً..
[Mosteghanemi 2000: 179]

У твоего отъезда был привкус горя, испытанного впервые. За несколько дней одиночество низвело меня до картины, сиротливо висящей на стене. Мне то и дело вспоминалась первая фраза романа, который я когда-то любил:...

Во французском оригинале эта фраза выглядит так:

«Ce que c'est grand le bon Dieu! C'est aussi grand que je suis seul. Je vois l'auteur comme **une planche.**» [Hafsi 2014: 39]

В тексте Мустаганими – так:

"ما أعظم الله! فهو عظيم بقدر ما أنا وحيد. إني لأرى المؤلف فيبدو لي **كلوحة**.." [Mosteghanemi 2000: 179]

Вариант перевода на арабский, который предлагает Мустаганими, почти аналогичен тому, что встречается в «официальном» арабском переводе, выполненном тунисцем Салехом аль-Гармади (аль-Кармади, القرمادي), преподавателем Высшей нормальной школы в Тунисе [Haddad 1968: 1]:

ما أعظم الله! فهو عظيم بقدر ما أنا وحيد. إني لأرى المؤلف فيبدو لي كأنه **لوحة**. [Haddad 1968: 2]

Возможно, Мустаганими либо чуть подправила фразу аль-Гармади, либо взяла её из другого издания того же перевода. Единственное, и незначительное, различие – там, где у аль-Гармади сказано «кأنه لوحة» (ke'annah lawha, букв. «как будто он является/как если бы он был доской/картиной»), у Мустаганими стоит «كلوحة» (kelawha, букв. «как доска/картина»).

В русском переводе, выполненном Н. Световидовой, та же фраза выглядит следующим образом:

«До чего же ты велик, создатель! Ты так велик, а я так одинок. Писатель – все равно что **щепка в море**». [Хаддад 1988: 111]

Во всех этих случаях нас больше всего интересует, как было переведено подчёркнутое нами слово. В оригинале Хаддад сравнивает писателя/автора с «une planche». Это слово имеет, в числе прочих, следующие значения: «1) доска; филёнка; планка; пластина; планшетка; (...) 5) рисунок, иллюстрация, таблица, картинка; гравюра, эстамп» [ABBYY Lingvo Live 2018: URL]

Аль-Гармади в своём переводе выбирает арабское слово لوحة (lawha), которое обладает, в общем и целом, теми же значениями: «1) доска, щит; 2) дощечка (на дверях - напр. с указанием фамилии и профессии); вывеска; (...) 4) полотно (картина); 5) экран» [Арабус 2018: URL]

Световидова отходит от оригинала намного дальше: она, судя по всему, увидела в слове «planche» исключительно сему «древесина», а единственным подходящим словом или словосочетанием, которое можно было бы привязать к семантическому полю «одиночество», которое диктует нам предыдущий текст, оказалось «щепка (в море)». Стоит, правда, отметить, что в русском языке «щепка в море» является метафорой не для одиночества, а скорее для беспомощности перед слепой судьбой:

Я не мог больше противостоять течению. Щепка понеслась к водопаду.
[Владимир Дудинцев. Новогодняя сказка (1965)]

Пришла еще странная мысль, что лопни он от натуги, выдай сколько угодно сверхплановой продукции, а не остаться ему на берегу. Щепка и есть щепка. Он походил по театру, но в этот раз все вкушающие мороженое были ему неприятны. [Галина Щербакова. Ах, Маня... (2002)]

Я – как щепка на воде, куда ветер дунет, туда и поплыл. [Ю. М. Нагибин. Дневник (1954)]

Ты – щепка в потоке: вынесет или нет – воля Судьбы. [Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978-1996)]

[Национальный корпус русского языка 2018: URL]

Впрочем, ассоциации с одиночеством – или, по крайней мере, контекст, в котором «щепка» и «одиночество» ставятся рядом - встречаются тоже, хотя и редко:

Словом, социальная прослойка извергала Скутаревского как инородное тело; он оставался совсем одинок, щепка на высокой прибойной волне, а травля не уменьшалась. [Л. М. Леонов. Скутаревский (1930-1932)]

[Национальный корпус русского языка 2018: URL]

Есть также вероятность, что оригинальное сравнение звучало слишком странно, и переводчица, или редакторы, постаралась его «сгладить»: советскую школу перевода нередко обвиняют в так называемой «гладкописи» [Дубин 2006: URL], стремлении сделать текст более простым, правильным и «приемлемым» (не обращая внимание на авторские приёмы). С этой точки зрения, сравнение одинокого писателя с щепкой в море звучит не так «неправильно» и неожиданно, как сравнение его же не то с картиной, не то с доской.

Недостаток данного переводческого решения, во-первых, в том, что на необычность этого сравнения указывает сам текст:

Жизель Дюрок взяла рукопись и открыла первую страницу.

«До чего же ты велик, создатель. Ты так велик, а я так одинок. Писатель – все равно что щепка в море...» - прочла она. И повторила: «Писатель – все равно что щепка в море...»

«Ну и ну! – подумала она. – Щепка в море!» [Хаддад 1988: 114]

وتناولت "جيزال دوروك" المخطوط ففتحت في الصفحة الأولى وقرأت:

"ما أعظم الله! فهو عظيم بقدر ما أنا وحيد. إنني لأرى المؤلف فيبدو لي كأنه لوحة" ... وكررت في نفسها قوله:

"إنني لأرى المؤلف فيبدو لي كأنه لوحة" .. ثم قلت في نفسها: "كأنه لوحة! يا لها من فكرة غريبة!"

(Букв. «Затем она сказала про себя: «Как будто он – доска/картина! Что за странная мысль!»)

[Haddad 1968: 20]

Благодаря замене «une planche» на «щепку» в русском переводе, с одной стороны, сравнение становится понятным для читателя само по себе, а с другой, остаётся неясным, чему же так удивляется Жизель – сравнение используется, может быть, не так часто, но логика сравнения одинокого человека с щепкой в море прозрачна.

Во-вторых (правда, это не самое главное), «Je vois l’auteur comme une planche» означает буквально «Я считаю автора доской/картиной», но в этой фразе есть и глагол voir – «видеть». Если мы допустим, что автор употребил слово «planche» именно в значении «картина», то глагол «видеть» тоже становится важен. В переводе Световидовой он пропадает, а у аль-Гармади и Мустаганими сохраняется: "إنني لأرى المؤلف فيبدو لي كأنه لوحة (كلوحة)" буквально переводится как «Когда я вижу автора, он кажется мне картиной/доской».

В-третьих, и это самое важное, для цитирования в русском переводе романа Мустаганими перевод Световидовой никак не подходит, потому что в отрывке, где появляется цитата из перевода Хаддада со словом لوحة, автор обыгрывает именно её значение «картина, полотно», которого в русском переводе совершенно нет:

كان لرحيلك مذاق الفجيرة الأولى. والوحد التي أحالتني في أيام إلى مرتبة لوحة يتيمة على جدار. تحضرني جملة تبدأ بها رواية أحببتها يوماً..

"ما أعظم الله! فهو عظيم بقدر ما أنا وحيد. إنني لأرى المؤلف فيبدو لي كأنه لوحة."

وكنت أنا ففي عزلتي ووحدتي, ذلك المؤلف وتلك اللوحة معاً. فما أكبر وأبرد ذلك الكون الذي كنت معلقاً على جداره, في انتظارك!

[Mosteghanemi 2000: 179]

У твоего отъезда был привкус горя, испытанного впервые. За несколько дней одиночество низвело меня до картины, сиротливо висящей на стене. Мне то и дело вспоминалась первая фраза романа, который я когда-то любил: **«ما أعظم الله! فهو عظيم بقدر ما أنا وحيد. إنني لأرى المؤلف فيبدو لي كأنه لوحة.»**

И я был одинок и отрезан от остальных, был и писателем, и картиной, висевшей на стене этой бесконечно огромной и холодной вселенной в ожидании тебя.

Более того, возможно, что автор обыгрывает данное произведение Хаддада не просто в границах одного отрывка, но и всего романа: как говорилось раньше, если у Малека Хаддада тезка Халеда был писателем, то у Мустаганими Халед стал живописцем, а писательницей стала девушка, в которую Халед влюблён и чей портрет он позже напишет.

Учитывая всё вышесказанное, представляется два возможных выхода из этого положения. Первый – просто заменить в цитате Световидовой «щепку в море» на «картину». Второй значительно более сложен и смел: можно найти русское слово, которое объединяло бы в себе и смысл «дерево», и смысл «произведение живописи», и обыграть с его помощью цитату из Световидовой, оставленную без изменений. Например:

«За несколько дней одиночество низвело меня до картины, сиротливо висящей на стене. Мне то и дело вспоминалась первая фраза романа, который я когда-то любил: «До чего же ты велик, создатель! Ты так велик, а я так одинок. Писатель – все равно что щепка в море». Но я-то был не щепкой, а целой разрисованной доской, иконой!»

В данном случае добавление в текст иконой не будет чрезмерной вольностью и, тем более, «христианизацией» текста - в произведении Мустаганими нередки отсылки к другим религиям, кроме ислама:

Здесь проходили Сифакс, Массинисса, Югурта, а до них – многие другие. В пещерах Цирты [древнее название Константины, родного города Халеда] они оставляли воспоминания о себе, высекая в камне свою любовь, свои страхи, своих богов.

من هنا مر صيفاكس.. ماسينيسا.. ويوغرطة..
وقبلهم آخرون.
تركوا في كهوفها ذكرتهم.. نقشوا حبهم وخوفهم
والهتهم.

[Mosteghanemi 2000: 290]

Я создал тебя собственными руками, как арабы-язычники [al-jahiliyun, буквально «люди эпохи невежества», т. е. доисламские язычники] создавали себе богинь, преклонялись перед ними и приносили им жертвы.

كنت فقط رجلاً (...) خلقك هكذا كما يخلق الجاهليون
آلهتهم بيدهم، ثم يجلسون لعبادتها، وتقديم القرابين لها.
[Mosteghanemi 2000: 142]

В своём эгоизме мы верим, будто художник – очередной Мессия, который пришёл, чтобы быть распятым [в оригинале употребляется

(...) ونعتقد، عن أنانية، أن الفنان مسيح آخر جاء
ليصلب مكاننا.

[Mosteghanemi 2000: 144]

глагол *yuslib*, «быть распятым», являющийся однокоренным со словом «крест» (صليب *salib*) вместо нас.

ЛИТЕРАТУРА

Арабус beta (арабско-русский и русско-арабский словарь онлайн, составленный на основе словаря Баранова) [Электронный ресурс]. – URL: <http://arabus.ru/> - Дата обращения 21.11.2018.

Джеббар А. Избранное: Сборник/Составл. и Предисл. С. Прожогиной; Пер. с фр. – М.: Радуга, 1990. – 523 с.

Дубин Б. Автор как проблема и травма: стратегии смыслопроизводства в переводах и интерпретация М. Л. Гаспарова // НЛЮ. – 2006. - № 82 [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/du18.html> - Дата обращения 21.11.2018.

Катеб, Ясин. Неджма: Роман / Пер. с фр. М. Ваксмахера ; Предисл. Г. Джугашвили. – Москва : Прогресс, 1971. – 208 с.

Куделин А. Б. Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи / Рос. академия наук. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – М.: Языки славянской культуры, 2003. - 512 с.; ил. – (Studia philologica).

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruscorpora.ru/> - Дата обращения 21.11.2018.

Хаддад М. Набережная Цветов не отвечает: Романы: Пер. с фр./Вступ. статья С. Прожогиной. – М.: Худож. лит., 1998. – 271 с.

АВВУУ Lingvo Live [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/fr-ru/planche> - Дата обращения 21.11.2018.

Haddad M. Laysa fi rasif al-azhar man yajib. – Al-Qahera, Afaq al-Kitaba, 1999. – 166 s.

Haddad M. Sa'ahbak ghazala. – Tunus, Dar at-Tunusiyya li-n-Nashr, 1968. – 179 s.

Hafsi A. Exil et quête de soi dans *Je T'offrirai une gazelle* de Malek Haddad. Dissertação de Mestrado em Estudos Literários e Culturais, apresentada ao Departamento de Línguas, Literaturas e Culturas da Faculdade de Letras da Universidade de Coimbra. 2014. 79 p.

Mosteghanemi A. Zhakirat al-jisd. - Beirut, Dar al-Adab, 2000. - 406 s.

The Algerian Revolution and the Communist Bloc // Wilson Center Digital Archive [Электронный ресурс]. – URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/collection/229/the-algerian-revolution-and-the-communist-bloc> - Дата обращения 21.11.2018.

MULTILINGUAL INTERTEXTUALITY AS A FACTOR IN LITERARY TRANSLATION

At the center of this article is multilingual intertextuality – a situation when Text A (written in one foreign language) quotes Text B (written in another foreign language). However, Text B may be either not available in the language of the translator, or not appropriate to use in the translation of Text A, as the way the quote in question is translated in Text B contradicts with how it is used in Text A. This article takes a look at how the text of Ahlam Mosteghanemi's *Zhakirat al-Jisd* (*Memory in the Flesh / The Bridges of Constantine*) uses the text of Malek Haddad's *Je t'offrirai une gazelle* (originally written in French, available in Arabic and Russian, but so far unavailable in English). The author also suggests some of the ways this contradiction can be circumvented by the translator.

Keywords: Russian language, Arabic language, French language, Malek Haddad, Ahlam Mosteghanemi, literary translation, intertextuality, quotation.